

любовь дастъ истинное благо жизни. Такой человѣкъ уже въ этой жизни вступаетъ въ то новое отношеніе къ міру, для котораго нѣтъ смерти. Но если человѣкъ не вступаетъ въ это новое отношеніе и не подчиняетъ животную личность разуму, оставаясь на той степени любви, съ которой онъ вступилъ въ жизнь, то уже ничто не можетъ спасти его отъ смерти. Если же особенное отношеніе человѣка къ міру выражается въ большей и большей степени любви, то это возрастаніе любви, увеличеніе ея, и даетъ человѣку вѣчную жизнь. Но эта вѣчная жизнь не есть какая-нибудь будущая жизнь, но жизнь въ этомъ мірѣ. Послѣ смерти своего плотскаго тѣла онъ будетъ жить въ другихъ людяхъ, будетъ жить въ ихъ воспоминаніи и чрезъ него будетъ дѣйствовать на нихъ.

Короче сказать, графъ Толстой не признаетъ, чтобъ личное сознаніе человѣка переживало смерть его вещественнаго тѣла.

Въ такомъ случаѣ позволительно спросить: *къ чему* было Нехлюдову возражаться въ новую жизнь, *къ чему* ему было воскресать? Къ чему была вся эта ломка? Какая въ этомъ цѣль и какой смыслъ, когда старая его жизнь и новая имѣютъ одинаковый результатъ, имѣютъ одинаковый конецъ, т. е. одинаково переходятъ въ вѣчное движеніе? Онъ могъ продолжать свою прежнюю жизнь и нисколько не смутиться судьбою Катюши, и итогъ былъ бы все тотъ же—смерть,